

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

**ЛЮДИ
КРЕПЧЕ СТЕН**

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке
Вячеслава Остапенко

Сухов, Евгений.
С91 Люди крепче стен / Евгений Сухов. — Москва :
Эксмо, 2022. — 384 с. — (Окопная правда Победы.
Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-168991-9

Взятие немецкой Познани открывает советским войскам путь на Берлин. Но фашисты не думают сдаваться. Они защищаются до последнего, превратив город в неприступную крепость с бетонными укреплениями и невиданной ранее огневой мощью. На острие нашей атаки действует батальон майора Прохора Бурмистрова. Бойцы метр за метром отвоевывают у противника важное стратегическое пространство, пока не упрутся в лабиринт древних каменных стен. Но остановиться — значит сорвать наступление. Бурмистров решается на отчаянный шаг: если нельзя обойти эти стены, значит, нужно пройти... сквозь них...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-04-168991-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1 НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

В начале 1944 года на фронте установилось некоторое затишье, протекали бои лишь местного значения, не менявшие общей картины сражений. Но уже в феврале был образован Первый Белорусский фронт и даже рядовому составу стало понятно, что грядет нечто серьезное: из штаба фронта на передовую зачастили инспектирующие офицеры, к линии разграничения с противником активно стали подтягивать танки и тяжелую артиллерию, а потрепанные в боях части направлялись в тыл на переформирование, вместо них прибывало из глубокого тыла пополнение.

Ожидания вскоре оправдались. В конце февраля правое крыло Белорусского фронта провело Рогачёвско-Желобинскую операцию, в результате которой войска вышли к Днепру, на правом берегу они отвоевали крупный плацдарм и освободили город Рогачёв. Эвакуационный госпиталь, в котором работала военврач Вера Колесникова, вошел в город вместе с передовыми частями Красной армии. Раненые поступали сплошным потоком. Госпиталь, рассчитанный на пятьсот человек, расширили поначалу до семисот коек, а через две недели увеличили до тысячи.

Работы было много, часто сложной. Требовалось поставить диагнозы поступающим, провести медицинскую сортировку. Если того требовали обстоятельства, раненым оказывали неотложную медицинскую помощь, после чего раненых и больных распределяли по лечебным учреждениям госпитальной базы.

Вера отвечала за прием раненых и больных, а также за их подготовку для дальнейшей эвакуации в тыл. Тут было много сложностей: бесконечно менялась боевая и медицинская обстановка, и даже в тылу, где, казалось бы, уже не встретишь немецких танков, нельзя было уберечься от бомбардировки. А еще катастрофически не хватало грузовых автомобилей, которые ездили на последнем издыхании, а потому нередко приходилось обращаться к командирам дивизий, чтобы помогли с техникой.

Дороги были разбиты бомбами, и путь до госпиталей часто выдавался долгим, отчего многие раненые, не дождавшись надлежащей помощи, умирали прямо по пути в госпиталь, что было горше всего. Могильные холмики с фанерными памятниками и со звездой на вершине виднелись на всем продвижении сортировочно-эвакуационного госпиталя.

Отправив очередную партию раненых в эвакуацию в глубокий тыл, старший лейтенант Колесникова вышла на свежий морозный воздух. Климат в Белоруссии был иным, нежели в Тобольске, где она проживала до войны. Там заснеженно и морозно. В местных же краях даже стужа то и дело прерывалась оттепелью, оставлявшей на белой глади снега черные проталины.

Дышалось легко. Полной грудью. В кармане полусмятая пачка папирос. Очень хотелось курить, казалось, что едкий дым хоть ненадолго помогал позабыть

пережитое. Как-то незаметно для себя самой Вера заделалась заядлым курильщиком: сначала выкуривала папироску за компанию, потом в какой-то момент обнаружила, что табачный дым доставляет ей удовольствие, а немногим позже осознала, что без ощущения табачной горечи не может прожить и дня.

Невольно улыбнулась, вспоминая о том, с каким ужасом смотрела на нее мать, увидевшая любимую дочь с папиросой в зубах. Тотчас, не стесняясь присутствующих, она отчитала Веру за скверную привычку. Пусть нарекания прозвучали не столь категорично, с мягкими материнскими интонациями, по-интеллигентному, как это она умела, но Вере тогда стало немного не по себе.

— Что же мне сказать твоему отцу, профессору медицины? Его разлюбезная дочь стала заядлой курильщицей?

— Ну, мама... — пыталась оправдаться Вера.

— И знаешь, что он мне ответит на это? Он просто не поверит в сказанное! Он так и скажет: «Этого не может быть!»

Казалось, что папироса в руках дочери расстраивает ее куда больше, чем незадавшееся замужество или прошлогодняя контузия, после которой Вера долго лежала на излечении. Как ей объяснить, что она уже не прежняя наивная девочка, что она уже взрослая, огрубевшая, а за месяцы, проведенные на войне, столько всего пережила и столько увидела неподдельного горя и острой боли, что всего этого хватило бы на несколько обычных жизней.

И вряд ли отец, который просто без ума от своей умницы-дочери, укорил бы ее за выкуренный табачок хотя бы одним, пусть даже мягким, словом.

— Доченька, ты же знаешь, что наша семья из потомственных врачей. А твой прадед был лейб-медиком у Александра Второго. И никто из них никогда не курил.

В словах матери присутствовала некоторая доля лукавства: в семейном архиве имелась фотография, где Андрей Павлович Абросимов, работавший в Первой градской больнице, сидел за письменным столом с трубкой в руках.

— А как же Андрей Павлович? — с милой улыбкой возразила Вера.

— Это было баловство, — нашлась матушка, раздраженно отмахнувшись. — По-настоящему он никогда не курил.

Вере пришлось демонстративно затушить папиросу в фарфоровой пепельнице и пообещать матери, что это был последний выкуренный табак в ее жизни.

Поначалу оно так и было. Длительное время Вера держалась как могла. Но, когда на нее нахлынула новая волна переживаний, не удержавшись, закурила вновь. Теперь она дымила постоянно, и ей было невероятно стыдно перед матерью за нарушенное обещание.

Первый раз Вера Колесникова встретила с Прохором Бурмистровым, когда, стесняясь осуждающих взглядов на сигарету в руках женщины, она отошла подальше от госпитального корпуса и закурила, по-мужски крепко втянув в себя горьковатую струю табачного дыма.

— Девушка, а вы не подскажете, где тут приемно-сортировочное отделение?

Обернувшись, старший лейтенант Колесникова увидела высокого чернявого капитана с суровым ли-

цом и твердым взглядом. Вот только когда их глаза встретились, черты его лица стали как-то мягче, лицо сделалось приветливым и сам он казался намного симпатичнее, чем в первые мгновения их встречи.

Невольно, чисто по-женски, больше интуитивно, Вера оценивала каждого понравившегося ей мужчину — получится с ним роман или нет? И вот сейчас ее истосковавшееся по любви женское сердечко вдруг запело: непременно получится, с этим парнем может сложиться очень красивый роман, о котором мечтает каждая романтическая барышня. То ли незнакомцу удалось прочесть ее грешные мысли, то ли он сам почувствовал нечто схожее с тем, что испытывала она, но он улыбнулся еще шире, обнажив два аккуратных ряда зубов.

— Это вон тот корпус, — охотно показала рукой Вера на двухэтажное здание, стоявшее по правую сторону от них. — Вход с боковой стороны. Нужно пройти прямо по коридору, а потом... Не найдете, — швырнув папиросу в сторону, добавила: — Давайте я вас лучше провожу.

— Так вы же не докурили, — обескураженно проговорил капитан. — Самая сладость осталась!

— Не до нее... Мне уже пора — и так задержалась. А потом, мне мама запрещает курить, нужно отучиться от этой скверной привычки, — серьезным тоном призналась Колесникова, чем вызвала у парня громкий и очень искренний смех.

Встречаются же такие парни, которые сразу нравятся. Ничего особенного для этого они не делают. Ведут себя естественно, быть может, чуток озорно и более раскованно, чем следовало бы, но ничего не

можешь с собой поделаться, — тянет к ним какой-то непреодолимой силой, и пропало женское сердечко!

Прошли в коридор, где вдоль стен стояли кровати с тяжелоранеными, а несколько легкораненых, в основном с поврежденным плечевым поясом, уже отсортированные, стояли в сторонке и дожидались скорой отправки в тыловую госпиталь.

В помещении пахло медикаментами, и отчетливо чувствовались приторный запах крови и тошнотворный — гноя.

— Вы кого-то хотели навестить? — поинтересовалась Вера, внимательнее присматриваясь к лицу капитана.

Откуда берутся такие красавчики? Что за женщины их рожают? Видно, для того, чтобы вгонять девок в греховную радость. Вера почувствовала, как к лицу подступил жар, и очень хотелось верить, что шедший рядом капитан не заметит ее смятения.

— Друга навещаю... В грудь его ранило.

— Как его фамилия? — насторожилась Вера.

— Старший лейтенант Воробьев, — с некоторой надеждой на то, что ему удастся увидеть друга, отвечал новый знакомый.

— Его привезли вчера? — приостановилась Вера, выжидательно посмотрев на капитана. Слегка выступающие скулы, прямой нос с горбинкой, серые глаза с легким прищуром, острый взгляд, подбородок волевой, с крупной ямочкой посередине, рослый — на такого парня приятно смотреть снизу вверх, ощущать себя крошечной девочкой, чувствовать его защиту. Наверняка у него очень крепкие руки. Как хорошо положить ладони на его руки и пальцами почувствовать их силу.

До чего только не додумаешься, глядя на симпатичного, располагающего к себе парня. А все потому, что нет никакой личной жизни. Да и как можно думать на войне о чем-нибудь личном? Каждый день проходит, как в угаре, и в точности напоминает предыдущий — бесконечный поток раненых, которых нужно принять, прооперировать, о которых следует позаботиться. И для подавляющего их числа она и врач, и сестра, и даже мать в одном лице.

За время работы в госпитале через ее руки прошло такое огромное количество больных и раненых, что все они стали казаться ей на одно лицо. Помнились лишь особенно тяжелые и те, кого не удалось спасти. А упомянутого старшего лейтенанта с осколочным ранением в грудь она запомнила особенно хорошо. Не только потому, что в тот день находилась на приемке. Запомнилось его белое лицо, искаженное от испытываемой боли. Его ранение относилось к особо тяжелым, существовал риск, что повреждена диафрагма, в этом случае нарушается естественная граница между брюшной и грудной полостью. Как правило, процент выживших в подобных случаях небольшой. Старший лейтенант оставался в сознании, претерпевал невыносимые боли, что вызывало уважение к его мужеству, с каким он преодолевал страдания, — а ведь он должен был кричать от каждого вздоха.

— Я помню его, — негромко произнесла Вера, с сожалением вспоминая старшего лейтенанта. — У него было ранение в верхнюю половину груди, очень тяжелое. Легочной недостаточности не наблюдалось, он дышал хорошо. Мы его отправили первым же эшелонем. Такие, как он, едут в отдельном вагоне,

он будет направлен в специальный торакоабдоминальный госпиталь.

— Ах, вот оно что, — тяжело выдохнул капитан. Его лицо помрачнело, а свет, еще какую-то минуту назад буквально лучившийся из его спокойных глаз, вдруг разом потускнел. — Может, обойдется? Есть надежда на выздоровление?

— Будем надеяться, что он поправится, — попыталась утешить Вера молодцеватого капитана. — Организм крепкий, а потом, за ним в поезде будет специальный уход. Ехать тоже недалеко.

— А куда его отправили?

— В триста шестой госпиталь. Он находится недалеко от железной дороги в Гомеле. На станции поезд уже будут поджидать госпитальные машины.

— Я вас понял... А я-то думал, что ему уже операцию сделали.

— У нас нет подходящего оборудования, и в наших полевых условиях мы не сумели бы предоставить ему необходимый уход.

— Понимаю, — невесело произнес капитан. — А как вас зовут?

Вопрос прозвучал неожиданно. Не самая подходящая ситуация для знакомства.

— Старший лейтенант медицинской службы Вера Колесникова, — официально представилась девушка, едва улыбнувшись.

— А меня просто Прохор, товарищ старший лейтенант.

— Тогда меня просто Вера.

— Я понимаю, вам нужно спешить. Вы не будете возражать, если я к вам зайду завтра вечером? — И уже после небольшой паузы поправился с досадой: — Ах,

завтра вечером не смогу. А если послезавтра ближе к вечеру?

— А завтра вечером у вас другое свидание запланировано?

— Вовсе нет, на фронте как-то не до романов... Просто... Просто мне нужно будет отлучиться на сутки. Вы не подумайте чего-нибудь такого... У меня чай есть очень хороший. Для особого случая берегу. Чайку попьем, а еще трофейный шоколад имеется.

Вера улыбнулась. Как мало нужно на фронте, чтобы уговорить девушку на свидание: пообещал ей трофейного шоколада, и она уже не устоит. Случись их знакомство в мирное время где-нибудь в районе Садового кольца, парень проявил бы куда большую изобретательность: достал бы билеты в театр, сводил бы в кино, цветами бы подарил, а тут трофейная плитка шоколада заменяет сразу весь ассортимент длительного ухаживания.

— Хорошо, от чая не откажусь. Вот если бы вы мне еще пачку немецких сигарет предложили, а то от нашей махорки у меня горло дерет, — честно призналась Колесникова. — А папиросы не всегда получается достать.

Прохор расплылся в добродушной улыбке.

— Принесу! — пообещал он. — Но, по мне, так это не курево вовсе, а баловство одно. Лучше дедовского самосада ничего нет.

— Послезавтра я вас жду, — произнесла Вера и, попрощавшись, скорым шагом заторопилась в приемные покои.

Госпиталь размещался в районной школе, и сюда с ближайших фронтов свозили контуженых и раненых. Кроватями с прибывшими были заставлены все поме-

щения, их размещали в коридорах, для них разбили две большие палатки во дворе, но количество раненых не уменьшалось.

На эвакуацию была определена большая группа из пятисот человек, среди которых половина была тяжелых. Ждали военно-санитарного поезда, но он по какой-то причине опаздывал. На войне длительные задержки транспорта дело обычное. Вероятно, что на каком-то участке разбомбили пути, и в настоящую минуту железнодорожные бригады занимаются их восстановлением.

У самого порога приемного отделения Веру остановил начальник госпиталя подполковник Борянский и со свойственной ему деликатностью заговорил:

— Вера, мне тут позвонили... Через полчаса должен подъехать санитарный поезд. От нашего госпиталя старшим поедете вы, — и, видно, рассмотрев на лице девушки нечто похожее на недовольство, добавил: — Поймите меня правильно, больше некому. Конечно, я хотел бы оставить вас здесь, но что поделаешь... Нужно! Ваша помощь, как высококлассного специалиста будет просто необходима! Не отправлять же мне старшину Лепёшкина присматривать за ранеными! — едва ли не в сердцах воскликнул подполковник.

— Все так, Егор Ильич, — ответила Вера, понимая, что не будет ни обещанного шоколада, ни встречи с понравившимся капитаном. А ведь она успела черт-те что себе напридумывать! Жаль, у них и в самом деле мог бы получиться очень красивый фронтовой роман.

— Так, значит, вы готовы, я оформляю документы? — с надеждой спросил Борянский.

— Конечно.

— Тогда у вас остается пятнадцать минут, чтобы собрать все самое необходимое, — произнес подполковник и, пожелав удачной дороги, заторопился по коридору.

* * *

Странная это штука — память. Вроде бы и поговорила с Прохором немного. Их знакомство не назовешь даже шапочным, но в память этот случайно встреченный капитан врезался так крепко, что не удавалось стереть никакими другими переживаниями. Видно, так и придется жить с этой занозой долгое время.

В чем же причина? Почему он не забывается? Мало ли было на фронте таких вот коротких встреч. Не перечесть! И никто из них не вспоминался: начисто стерлись из памяти, как будто бы их не было вовсе. А тут саднит сердце ноющей болью, и не знаешь, как унять душевную царапину.

А все потому, что Прохор не похож ни на кого другого, с кем ранее сводил ее случай. Вряд ли судьба предоставит второй такой шикарный шанс повстречать человека, который бы подходил ей по всем показателям, надуманным девичьей фантазией.

Последующие три месяца фронт неумолимо двигался на запад, а за ним, оставаясь во второй прифронтной полосе, следовал эвакуационный госпиталь.

Следующая встреча с Прохором произошла неожиданно, на войне такое случается, а столкнулись они близ небольшой деревушки с символическим названием Счастливая. Что-то в облике майора, проходившего по другой стороне дороги, Вере показалось знакомым. Во всяком случае, осанкой, жестом, даже

поворотом головы он очень напоминал ей Прохора. Вот только смущало его звание — ведь во время первой встречи он был капитаном. Но когда майор повернулся к ней лицом, то Вера невольно обмерла. Перед ней был Прохор! Бывает же такое...

На какой-то момент весь мир перестал для нее существовать, и сама она будто бы провалилась в какое-то безмолвие, где, кроме нее, существовал лишь Прохор, посматривающий на нее со сдержанным удивлением. Казалось, вокруг никого, не слышно было даже гроыхания танковой колонны, проезжавшей на предельной скорости по разбитому шоссе.

Из оцепенения Веру Колесникову вывел рассерженный гудок поцоканного осколками «Студебеккера», груженного ящиками с гранатами. Немолодой водитель с густой седоватой щетиной на сухих впалых щеках злобно выкрикнул:

— Чего тут встала на пути? Ведь задавят! Отойди с дороги!

Вера, опасаясь потерять из поля зрения Бурмистрова, отошла на обочину шоссе, по которому мимо нее колоннами в сторону фронта проходили маршевые батальоны. Новенькие, еще не знавшие солдатского пота гимнастерки резко контрастировали с обмундированием бойцов, шедших нестройными шеренгами на переформирование. Среди них было немало легкораненых — в основном в плечевой пояс, у кого-то было забинтовано предплечье, у некоторых кисти. Возможно, возвращение с фронта добавило им какие-то эмоции, вот только они совершенно никак не проявлялись на усталых лицах.

Прохор был оглушен неожиданной встречей не меньше Веры. Его губы дрогнули, он что-то произ-

нес, но Вера не расслышала слов из-за проезжавшего мимо бронетранспортера.

— Я не поняла! — стараясь перекричать накатывающийся грохот, ответила Колесникова.

В какой-то момент они осознали, что находятся в самом водовороте дорожного потока: вот сейчас их сомнут, раздавят. Стоя друг напротив друга, они невольно образовали небольшой островок, и поток тяжелой техники деликатно огибал их плавной линией, как если бы опасался разрушить нечто хрупкое, установившееся между молодыми людьми.

— Давайте вот сюда, — махнула Вера в сторону деревушки, спускавшейся по косогору.

Проход кивнул и, пересекая дорогу, устремился к ней. Некоторое время они стояли молча. Вроде бы и сказать нечего. Лишь только подмечали перемены, произошедшие во внешности за время их разлуки. На левом виске Прохора пробивалась небольшая седина, что, впрочем, совершенно не портило его внешности, наоборот, белесая прядь придавала его лицу еще большую мужественность. В какой-то момент Вере подумалось о том, что за прошедшее время она невероятно подурнела и вот сейчас Проход с интересом отыскивает изъяны в ее внешности. Но Проход, широко улыбнувшись и словно отвечая на все ее страхи, уверил:

— Вы совершенно не изменились.

Вера поймала себя на том, что не может оторвать взгляда от его лица. Прямо наваждение какое-то!

— Очень на это надеюсь, — негромко ответила военврач, пытаясь унять накатившее волнение, которое буквально выплескивалось через край.

— Как-то мы с вами неожиданно расстались. А наше свидание не состоялось. — Брови майора насмешливо приподнялись. — Мне было очень жаль.

— Мне тоже, — честно призналась Вера. — А как ваш друг, старший лейтенант Воробьев? Вы нашли его?

— Живой... Комиссовали. Врачи говорят, что он чудом остался жив. Хочет пойти в школу учительствовать. Он ведь преподавателем истории до войны работал.

— Он очень мужественный человек.

— Всю жизнь был таким... А я о вас спрашивал, мне сказали, что вы уехали. Мне тогда подумалось, что вы просто не захотели со мной встречаться.

— Это совсем не так. — Девушка виновато улыбнулась. — Мой отъезд и для меня был очень неожиданным. Нужно было сопровождать поезд с ранеными. И я очень жалела, что не смогла предупредить вас о своем отъезде.

— Значит, вы вспоминали меня? — Красивые чувственные губы парня растянулись в доброй улыбке.

Хотелось признаться, сказать так, как есть: что не забывала его ни на секунду с той самой встречи, как только увидела. Но вместо этого бесстыдно соврала с легкой лукавой улыбкой:

— Вспоминала... Иногда.

— А вам не кажется, что наша встреча произошла не случайно? Наши ангелы-хранители подсказывают нам, что мы должны быть вместе.

Именно так она и подумала, и было бы большой несправедливостью не воспользоваться шансом, предоставленным судьбой. Но вместо этого, чуть пожав плечом, отвечала:

— Я не смотрю так далеко, — и, разглядев в его темных глазах легкое разочарование, несколько поспешно добавила: — Но я рада вас видеть.

— Не принимайте меня за навязчивого человека, но мне бы хотелось с вами увидеться. Может быть, даже сегодня, что вы на это скажете? Где вы разместились?

— Недалеко от госпиталя. В деревенском доме.

— Вы по-прежнему служите в эвакуационном госпитале?

— Да. А вы где разместились?

— В бараке для офицеров, — махнул Бурмистров в сторону деревеньки, на окраине которой стоял длинный недавно срубленный барак с белесыми бревнами. — Мои соседи разъехались, так что я пока проживаю в комнате один. Дня через три двинется вперед и наша дивизия. — Так когда мы с вами увидимся? Может быть, часов в девять?

— Давайте лучше в десять, — ответила Вера. — Раньше я не освобожусь.

— Хорошо... Как мне вас найти?

— Моя изба вторая слева по главной улице. И еще вы обещали принести мне сигареты, — напомнила Вера с улыбкой.

— Я не забыл, — ответил Бурмистров. Расстегнув полевую сумку, он вытащил пачку немецких сигарет и протянул их Вере. — Берите, они ваши. Трофейные. Как меня заверили, это дамские сигареты. Мне почему-то верилось, что мы с вами еще повстречаемся, вот поэтому я и носил эту пачку сигарет для вас... С того самого дня, как мы с вами расстались, она лежала в сумке. Все думал, как только увижу эту милую

девушку, так непременно передам ей. Хотя, конечно же, мне хотелось бы подарить вам розы.

Вера бережно взяла пачку сигарет.

— Я люблю георгины.

— Обещаю, что буду дарить вам георгины каждый день, — широко улыбнулся Бурмистров.

— Мне надо идти. Буду вас ждать, — произнесла военврач Колесникова. И быстро пошла в сторону двухэтажного здания с колоннами, к некогда бывшей господской усадьбе, где размещался полевой эвакуационный госпиталь.

Глава 2 БУДЬ ЖЕНОЙ

Встретиться со старшим лейтенантом медицинской службы Колесниковой Бурмистрову не удалось. Нельзя сказать, что Прохор был так уж расстроен этим обстоятельством, но вот кое-какая щемящая досада присутствовала. Даже здесь, находясь на передовой, Бурмистров не был обделен женским вниманием. Порой такие встречи бывали совершенно случайными, всего-то на одну ночь в какой-нибудь деревушке, на коротком постое у одинокой женщины, которая, изголодавшись без мужской ласки, так дарила себя случайному солдату, как если бы это была последняя ночь в ее жизни.

А еще в таких ненамеренных встречах присутствовало нечто большее, чем плотское желание, частенько преобладала жалость, столь свойственная русским женщинам. Солдатик воюет на фронте, бьет врага, возможно, возвратиться ему домой не суждено, и жаркие объятия женщины должны быть некоторой бла-